

НЕЗАЁМНАЯ ПЕСНЯ

В. ИЗМАЙЛОВ

МНЕ, как одному из руководителей поэтической секции предстоящего семинара, крупно повезло. У моих «подопечных», чье творчество мне придется обсуждать вместе с известным московским поэтом Ярославом Смеляковым, сквозь отголоски неизбежных у молодых поэтов чужих, пусть и прекрасных, песен явственно слышна своя, отчетливо, хотя и не всегда уверенно выраженная, мелодия.

Восемь человек в нашем семинаре. Восемь поэтов, очень разных не только по биографиям и возрасту, не только по внешнему словесному рисунку стиха, не только по ритмической музыкальной своеобразности, но и по более глубокому отличию: по главной теме для каждого; по глубинному осмысливанию этой темы, по искренней и очень разной у всех эмоциональности, по философскому осмысливанию темы — не побоюсь этих строгих слов, говоря о творчестве молодых.

У них — восемь очень похожих и очень разных биографий, и далеко не все знакомы мне в подробностях: о многом я догадываюсь по их стихам. А когда жизнь откладывает-ся в стихах, это уже не так мало...

Студент-медик из Омска — а может, уже врач теперь? — Анатолий Васильев, рабочий Михаил Шляев, инженер-исследователь Владимир Обозенко, сельский инженер — механик Виктор Крещик, студентка Нина Грехова — эти из Новосибирска и области, инженер-радиофизик Станислав Федотов из Томска, журналист Кемеровского телевидения Анатолий Саулов и инженер-строитель из Новокузнецка Михаил Борисов.

У Анатолия Васильева — две самостоятельные книжки стихов, у Михаила Борисова — одна, у Анатолия Саулова пока ни одной, а остальные вышли дружной «обоймой» под названием «Старт» в Западно-Сибирском издательстве.

Самому старшему по возрасту — Михаилу Борисову — уже не первый год за сорок, самой младшей — Нине Греховой — едва за двадцать. На жизненном пути Михаила Борисова не только трудное детство, но и грозно-прекрасная и драматическая юность моего поколения, крещенного буквально огнем и кровью великой войны. Не только лирическая березка на родном перекрестке, но и — сквозь перекрестие оружейного прицела — наползающая неотвратимо, кажущаяся неуязвимой, стальная громада «Тигра», и яростно — точный, последний и единственный выстрел прямой наводной в бронирован-

ное чудовище. И — новый «Тигр», и — новый выстрел!.. И третий, и пятый... И только потом уже — золотое сияние высочайшей награды Советского Союза, и на всю жизнь не расстанется солдат-Герой со своей солдатской темой. Первая книга стихов Михаила Борисова «Верность» почти целиком продиктована боевой биографией автора, питается ею — от того неизбежаемого поединка с «Тиграми» под Прохоровкой на Курской дуге до нынешних будней инженера — строителя Запсиба.

Я не буду говорить о «Верности» — об этой книге много и хорошо писали уже. Я не стану подробно рассматривать здесь дальнейшую поэтическую работу Михаила Борисова: новая книга его — еще только в рукописи, и разговор о ней будет рабочим, с карандашом в руках, за столом семинара. Скажу только, что удачный, хотя и поздний по возрасту поэтический дебют моего друга Михаила Борисова не прибавил ему ни поэтической самоуверенности, ни человеческой самоуспокоенности, а, как говорится, совсем даже наоборот. Он по-прежнему проверяет жизнь на беспощадном огне своей давней Прохоровки и — нет пробы суровее и чище, и нет мерила беспощаднее и выше!..

Я, к сожалению, лишен возможности полно рассказать о творчестве Анатолия Саулова — второго моего земляка в нашем семинаре, потому что, как я уже говорил, у него нет еще книжки, а предвзвешать общее мнение руководителей семинара о представленной поэтом рукописи нельзя по соображениям элементарной этики. Однако кузбасскому читателю Анатолий Саулов уже известен по газетным публикациям, по радиопередачам, да и не только кузбасскому: слушатели радиостанции «Юность» знакомы с его стихами, и студенческий Томск хорошо помнит его.

Скажу только, что Анатолий Саулов — поэт ищущий, беспокойный, что ищет он не только в области формы поэтической, что для молодых характерно, но, так сказать, по сути — стремится думать о главном в нашей жизни — о ее непреходящих ценностях, о завоеваниях Октября, прелом-

ленных сегодняшней юностью, тревожной, сложной и предельно искренней. Буду рад после семинара подробнее рассказать о творчестве молодого поэта, уже опираясь на общее наше мнение, уверен, что это здорово поможет ему в подготовке первой книги стихов, намеченной к изданию в будущем году в Кемерове. А сейчас с большой гордостью за нашу юность отмечу, что Анатолий Саулов по своему, с сегодняшних позиций, но страстно и взволнованно осмысливает не только сегодня, но и боевое вчера.

Оставляю в стороне совершенно явные кое-где нотки формальной зависимости от модной рифмы, знакомые уже интонации и ритмы, скажу лишь: слова о преемственности поколений звучат для меня буквально и точно, когда я читаю стихи Анатолия Саулова. Это — не внешнее уважение, не просто вежливая дань отцам, а глубокое усвоение их исторических завоеваний.

Можно по-хорошему пристрастно критиковать творчество молодых с позиции мастерства, которого им, естественно, не хватает, с позиции философии, которая еще зачастую мелковата, с позиции жизни, которая часто преломляется у них через чьи-то книги, — все это естественно.

Но нельзя не радоваться, что самое главное в их поэтической работе — это огромное чувство ответственности за свое время, за свои дела, за судьбу страны, то есть как раз за то, что мы называем наследием отцов. Вот стихи Анатолия Васильева. Они — не декларативный ответ впрямую, это поэтическая позиция утверждения новизны и неразрывности этой новизны первооткрытия и продолжения догроз.

Есть у Анатолия Васильева декларации, есть и попытка — не самая удачная — опозитивировать и свой труд, труд врача, но общее направление его поэтического поиска шире и глубже, чем просто рифмованный пересказ рабочих элизодов, потому что, как говорит он в одном стихотворении:

Заходим в дни широким
руслем,
Рисковой скоростью у излук.
Все так же путь волнами
устан.

Все так же даль и ширь
вокруг.
И солнца вешняя крамола,
И вешний гром,
И вешний дождь.
И остается за кормом

Все преходяще и ложь...
Плотной и крепкой получи-
лась поэтическая «обойма»
«Старт» и, что очень важно, по-
настоящему разной: ни одна
тоненькая книжечка из пяти,
составивших «обойму», не по-
хожа на другую.

Лирическая поэма Михаила Шляева, посвященная матери поэта, — первое крупное произведение молодого рабочего, ставшее и первой его книжечкой. Естественно, «Запах земли» — а так называется эта вещь — заслуживают самостоятельного разговора, и не только потому, что это — поэма, но и потому, что в ней слышны запахи земли, той самой, на которой трудно и самоотверженно растили хлеб для победы солдатские жены и матери, кормя детей картофельными «тошнотиками», а себя неведомо чем. Не зря говорит и автор поэмы, что «Мы рано поняли, что счастье сперва в хлебах, потом в цветах».

Нас было четверо у мамы.
Четыре рта и две руки,
Две слабых мамини руки.
Но мы росли — худы,
упрямы,

Любим нехваткам вопреки.
И одно из самых привлекающих в поэме достоинств — это сдержанное мужество, не сбивающееся нигде на нытье, на жалобу, несмотря на то, что, как говорит Михаил Шляев, «...хлеб? Он даже гостем не был под нашей крышею тогда», и только руки матери пахли хлебом в страду...

Потому никогда не будет для Михаила Шляева легок нынешний хлеб, нынешний труд, что добрые зерна посеяло в нем трудное детство.

По-настоящему земные стихи у Виктора Крещика, сельского инженера. Отличной иллюстрацией к тому разговору о преемственности, который я здесь веду, служит «Степь» Виктора Крещика:

Простор земли,
Гляди, любуйся — вот он,
Окрашен в синий,
В темно-синий цвет.

Здесь четко вижу:
На земле работы
На тысячу,
На много тысячу лет.

Земля для В. Крещика
«...как чистый лист бумаги, ко-
торый всяко можно исписать».

Право же, это по-настояще-
му волнует, потому что за
строками стихотворения вста-
ет подлинная, не книжная ро-
мантика труда, потому что в
такие руки, как у Виктора
Крещика, можно уверенно пе-
редавать и судьбу родной зем-
ли, и судьбу планеты: это руки
работника, который знает и
умеет, как надо написать на
чистых еще листах земли, и
как переписать неудачно напи-
санное!..

Для меня, безоглядно, но
все более тревожно любяще-
го родную землю в ее бук-
вальном смысле, с болью на-
блюдающего как подчас лег-
ко рвут с ней связи уходящие
в город молодые люди, от-
радно видеть, как искренне и
плотно связаны с этой землей
молодые поэты. Вот Владимир
Обозенко говорит в заклю-
чающем его книжку стихот-
ворении:

Люди, ждите меня.
Я ушел ненадолго.
Я ушел за дарами
Далеких дорог.
Мне велела Россия
Познать ее толком...
Люди, ждите меня,
Опаленный ветрами,
Я вернусь откровением
В каждой строке.

Слов нет, это весьма ответ-
ственное творческое заявле-
ние — обещание откровения
в поэтической строке, но меня
подкупает искреннее желание
поэта искать, открывать богат-
ства жизни для того, чтобы
потом они стали откровением.

Куда более городской по
темам и звучаниям Станислав
Федотов. Часть его стихов
объединена даже названием
«Из заводского дневника», но
и у него рвутся в стихи мо-
тивы земные, таежные, моти-
вы природы;

...Тонкою люминесцентной
лампой
светится березка впереди.
Ты почувствуй, как тайгою
пахнет,
Привалившись к сосенке
плечом.
И коротким замыканьем
трахнет
под ногой насмешливый
сучок.

И пока существует такое вот
короткое замыкание сердца
поэта, даже сугубого урбаниста,
он не оторвется от земли в
духовной своей сути, значит,
и она будет питать его своими
живительными соками.

Конечно, я намеренно отби-
раю для этого разговора толь-
ко то, что считаю главным в
мировоззрении этих молодых
поэтов. Но это отнюдь не зна-
чит, что их творчество этим ис-

черпывается. Конечно, у всех,
о ком я говорю, много и
стихов о любви, искренних,
светлых и невеселых, есть и
попытки пофилософствовать в
стихах «впрямую», есть и, как
я уже говорил, просто декла-
рации. Немало промахов, язы-
ковых погрешностей, есть про-
сто вызывающие улыбку на-
ивности.

Об этомто мы и поведем
разговор на семинаре, нелице-
приятный и прямой. Закончить
же свой рассказ об участни-
ках семинара, с которыми мне
пришлось работать, хочется по-
следней участницей «обоймы»
(по моему перечислению, а
вовсе не по одаренности!) —
Ниной Греховой. Единствен-
ная представительница жен-
щин в поэзии в нашей группе,
Нина Грехова столь сильно и
ярко представляет «слабый
пол», что выглядит он весьма
и весьма сильным поэтиче-
ски.

Стихи Нины Греховой стоят
несколько особняком в «обой-
ме». В них нет, пожалуй, того
неуемного биения жизни, ра-
боты, как в стихах ее товари-
щей по «обойме», но все в ее
стихах полно такой тонкой и
настоящей поэзии, что сразу
же поддаешься их очарованию.
Мир ее поэзии — вовсе не ка-
мерно-лирический мир, нет, он
полнокровен и жизнен, очень
богат, индивидуален. Но сред-
ства, которыми воссоздает
этот мир поэтесса, столь тонки,
столь доверчивы ее интонации,
глубоки раздумья и покоряю-
ща ее откровенность, что вме-
сте с поэтессой грустишь, и
улыбаешься, и чувствуешь, как
вдруг неожиданно увиденный
ею мир обогащает и трезо-
жит тебя.

Поостерегусь предска-
зывать стремительный взлет сво-
им новым друзьям по поэзии,
не стану даже говорить об их
возможном писательском бу-
дущем: слишком легко выда-
ют подчас этот ответственный
аванс. А книжки, как очень
точно сказал в предисловии к
стихам В. Крещика Илья Фо-
няков, еще сами являются
только предисловием к серь-
езной поэтической работе.

Но, станет или не станет про-
фессиональным писателем лю-
бой из тех, о ком я расска-
зываю, я уверен — каждый
из них еще подарит нам не
один хороший стих и не одну
хорошую книжку. Потому что
это — одаренные люди, пото-
му что у каждого из них свое
дело в нашем беспокойном и
прекрасном мире, на нашей
удивительной земле, дело, ко-
торое они уже умеют совсем
неплохо делать и которое
учатся воспевать. А воспевать
любимое — счастье, обога-
щающее и самого певца и тех,
кому адресована песня.